мастера искусств о себе

умейте быть добрыми

ПРИШЕЛ с войны солдат...

Сейчас мысленно всматриваюсь в себя, того, в потертой гимнастерке, с погонами старшего сержанта на плечах, и думаю: почему же тот солдат не вынес из сражений, из горького дыма и тяжелых дорог сорок первого года, из ожесточенных схваток с врагом ни жестокости, ни душевного мрака? Почему даже после госпиталя, когда направили двадцатитрехлетнего парня на инвалидную работу по охране наркомата целлюлозно-бумажной промышленности и камень лежал на сердце от сознания своей неполноценности, продолжал он по-мальчишески яростно, открыто любить жизнь и людей, видеть в них светлое?

Отчетливо помню то чувство радостной сопричастности, когда в 1947 году увидел счастливые лица вокруг: отменили карточную систему — тяжелое наследие военного времени. Радовался не за себя — за них, знакомых и незнакомых. Нечто похожее я испытывал, когда мне было пятнадцать лет и я стоял в длинной, многолюдной очереди за билетами на кинофильм «Чапаев». Такое чувство можно выразить крылатыми строками Маяковского: «Я счастлив, что я — этой силы частица»...

Должно быть, с детства воспитанное умение жить общим горем и общей радостью, понимать себя через себе подобных, через время, а не в отрыве от него, и помогло мне нравственно выстоять перед испытанием кровью, огнем, жестокостью.

Одно лишь слово «Россия», произнесенное в трудный час, способно было всколыхнуть во мне все лучшее, все запасы душевной доброты и верности, которые были заложены школой, семьей, мальчишеским товариществом задолго до сорок первого года — призывного для меня и моих сверстников.

Я не сказал бы, что моя актерская судьба складывалась легко. Начиналась она прекрасно. Поступив в Государственный институт театрального искусства через некоторое время после того, как поработал в охране наркомата, я попал в атмосферу такого доброжелательства, какое желаю увидеть и испытать на себе всем студентам актерских факультетов. Наши учителя были строги, очень строги и требовательны. Но это были строгость и требовательность отцов и матерей, заинтересованных в том, чтобы их дети стали настоящими людьми и настоящими профессионалами. На своем опыте могу с уверенностью сказать, что лучший из путей воспитания будущего актера — путь доверия. Известно, что крупный русский химик Марковников, учитель великого Бутлерова, любил повторять: «Студента надо бросать на глубокие места. Выплывет — значит, будет толк, потонет — значит, не в свои воды попал». С нами так и поступали. Но, обучая «плавать», делали это тщательно, без тени казенности и штампованности, выявляя творческую индивидуальность и художественные возможности каждого.

Так было в ГИТИСе. Но позже, уже на самостоятельном актерском пути, встречались мне и рифы, и крутые скальные подъемы. На меня посмотрели, как это нередко, к сожалению, бывает в театре да и в кинематографе, однолинейно: артист на острохарактерные, комедийные роли. Я редко играл что-либо другое, а если и играл, то случайно. Творческий потенциал мой был заперт, перекипал во мне, не находя выхода.

И материально жилось тогда нелегко. Наш с женой, Надеждой Юрьевной — ныне актрисой Московского театра сатиры — семейный быт начинался с того, что были мы оба владельцами лишь одной раскладушки. Можно было обидеться на жизнь? Вполне, если не ощущать себя частью целого, не подумать о том, сколько людей, имевших, может быть, и большее право на уют и материальное благополучие, жили не лучше.

Я не представляю себе актера, который может прожить день, не взволновавшись чужой судьбой, близкой или далекой. Не представляю, например, как может выходить человек на сцену, к зрителям, если его не потрясло чувство личной утраты, когда радио и газеты сообщили о злодейском убийстве Сальвадора Альенде, о смертельной опасности, нависшей над Луисом Корваланом и многими тысячами защитников свободы в Чили. Это чувство не может родиться рациональным путем — оно должно быть воспитано всей жизнью.

Пресное бытие деляги и эгоиста обошло меня стороной. До сих пор жив во мне тот пятнадцатилетний мальчишка, что с трепетом ожидал заветного билета на сеанс «Чапаева», и тот солдат, что научился на войне историческому оптимизму. Смог бы ли я без этого стать вровень, скажем, с таким сценарием и такими актерами, с которыми повстречался на съемках фильма «Белорусский вокзал»? В эпизоде, теперь уже широко известном и цитируемом, — на квартире у однополчанки-медсестры, вместе с Ниной Ургант, Алексеем Глазыриным, Евгением Леоновым, Всеволодом Сафоновым я плакал от всей души, плакал священными гражданскими слезами, еще раз испытав чувство, которое так лаконично и емко выразил Маяковский: «Я счастлив, что я — этой силы частица, что общие даже слезы из глаз»...

Любое общество во все времена, развиваясь, решало комплекс социальных, политических, экономических, нравственных проблем. И всегда толику этого общественного решения брало на себя искусство. Во все времена и во все исторические эпохи одной из главнейших задач искусства было стоять на страже интересов человека, личности. Я родился и вырос, окреп духовно в пору великих битв за человека и человечность. Эти битвы не утихают и до сих пор. Мне и моим товарищам по искусству нынче выпала сложная и почетная задача — найти в современнике черты будущего человека коммунистического общества, культивировать их, способствовать воспитанию личности, ее гармоническому развитию. И разве не в этом смысл революции, перевернувшей не только социальный и экономический уклад старой России, но и нравственный ее уклад.

Анатолий ПАПАНОВ,
народный артист СССР

Серпилин — фильм «Живые и мертвые».

Мишель Бродский — спектакль «Интервенция».

Эта задача всеобъемлюща. Конкретно я ее понимаю так: драматург, режиссер, актер должны ВОСХИТИТЬСЯ одними людьми и явлениями и ВОЗМУТИТЬСЯ другими. Когда-то один из моих любимых актеров, Михаил Михайлович Яншин, написал о том, что художнику «обязательно надо что-то защищать или что-то осуждать в образе, иначе творчество мое будет холодно и нарочито». М. М. Яншин говорит, что свою работу над образом он начинает «с взволнованности ролью». Но, чтобы эта взволнованность никогда не притуплялась, актер должен быть человеком, ПОНИМАЮЩИМ людей.

Жизнь предлагает нам множество характеров. Одни из них наделены качествами, вызывающими восхищение, другие возмущают. Я не отношусь к числу прекраснодушных всепрощенцев и могу подробно рассказать любому желающему слушать, что именно люблю в людях, а что ненавижу. Не могу лишь одного. Я не могу делить людей на «положительных» и «отрицательных». Понимаю желание осудить те или иные черты, придав их герою, который не вызовет симпатии зрителей. Но, и осуждая, надо уметь оставаться человеком и использовать человеческие средства. Должно быть, потому я так и верю в разоблачительную силу смеха. Смех объединяет, помогает обострить отношение к дурному, но избавляет от чувства отвращения, злости, брезгливости, испытывать которые просто медицински не показано. Смех помогает нам, осуждая в человеке отрицательное, сохранять уважение к самому этому званию — ч е л о в е к.

Играя Боксера в пьесе Назыма Хикмета «Дамоклов меч», я за тупостью и жестокостью этого персонажа увидел и другое — человеческое: тоску по несбывшемуся и теперь уже никогда не состоящемуся. А за громадной человечностью генерала Серпилина в фильме «Живые и мертвые» мне открылась и другая краска его характера — жестокость решений, если дело касалось защиты добра. Открыл я в нем и еще одну черту — одиночество в личной жизни при живой и здравствующей, но развалившейся семье.

Дубинский — фильм «Белорусский вокзал».

Самойленко — фильм «Плохой хороший человек».

Корейко — спектакль «Золотой теленок».

Где мои герои «маленькие», где «большие», я для себя никогда не определял. Из опыта своей жизни, своего общения с людьми знаю, что только суровые испытания помогают нам правильно судить, каков человек по самой сути своей, в своем нравственном «стержне». До момента этого испытания никому не дано понять, кто он на самом деле. До этого момента, определяющего все, человек может казаться даже заурядным, «маленьким», слишком уж обыденным. Вспомните образ, созданный Олегом Ефремовым в фильме «Живые и мертвые». Танкист Иванов — один из многих Ивановых. Вероятно, когда до войны с него многое требовали, он, как иные из нас, отвечал: «Этого я не могу решать. Я — маленький человек». Но в крутых обстоятельствах он стал человеком-громадой и с уверенностью, без всякой внешней аффектации сказал: «Вся Россия держится на Ивановых».

Я уже упоминал о том, что почти до сорока лет играл небольшие, даже незначительные роли в театре. Так как-то уж сложилось — долго не находилась своя «стезя», свои герои. И чувствовал я себя, хоть и не ущербным, но «маленьким» актером. Потом наступила полоса крупных работ, увлекательных открытий. Хорош бы я был, если бы пришел к этому времени с комплексом духовной неполноценности! С меня спросили многое. И я с головой ушел в работу. А недавно, когда мне присвоили звание народного артиста СССР, я увидел, как много у меня настоящих, искренних друзей, как радовались моему празднику разные люди, близко знакомые и ставшие знакомыми лишь сейчас.

И я подумал, что это — знак благодарности за мое уважение к человеку, выраженное даже в так называемых «отрицательных» ролях. За то, что не только, скажем, Серпилина, большевика Бродского в «Интервенции» Л. Славина, рабочего Иванова в фильме «Мой дом», старого летчика Сахно в картине «Разрешите взлет», солдата революции Сысоева в спектакле «У времени в плену», но и чеховского Ионыча, и шафера в «Клопе», и наивно-жуликоватого мастера в телевизионном фильме «Умелец», того, что соображает, как телевизор «смазать надо, а то скрып от него идет», — за то, что всех их играл бывший старший сержант военного времени Анатолий Папанов с чувством, добрым к людям.

И когда меня спрашивают, какую ведущую черту в человеке я более всего ценю, что мог бы посоветовать молодым, отвечаю так:

— Умейте быть добрыми, умейте понимать людей — тогда у вас появится право на возмущение их дурными поступками.